

Сакен СЕЙФУЛЛИН

ЗЕМЛЕКОПЫ

Отрывок из повести

В одной из крайних лачужек кто-то затянул песню приятным голосом. Это был известный кокчетавский напев «Срымбет» Акан Серы¹ – с удивительно тонкими ритмическими переходами и величавым выражением тоски:

«Аулы-ы-ым конды-ы Срымбет саласына. / Е - ей, е - е -й!!!.. / Га-шик болдым ак сункар балы - а - сына - й, / Е - е - ей! / Еркем, карындас-ау, / Енды есен бол, / Е - ей!.. / Кишкентайдан бирге оскен, карагым, / Е - ей, е - ей!!!.. / Шынын менен ботенге барасын ба? / Е - ей! / Еркем, карындас-ау, / Енды есен бол, / Е - ей!..»

Окрестность в упоительную дремучую ночь слегка убаюкивала захватывающими звуками мягкая мелодия... Чудный грустный напев раздался в последний раз и замер, мягко отдаваясь в вышине летнего темного неба...

– Эй, Азимхан и Калкен, чем молча лежать, рассказали бы о чем-нибудь!.. – обратился Сатай к сидевшим у костра.

– Пусть расскажет Азимхан. Он мастер рассказывать, – отозвался Калкен, приподняв голову и дергая за колено Азимхана.

– Азимхан... Азимхан, поднимись и Расскажи о чем-нибудь, – повторил заика Сатай.

Все товарищи Азимхана встренулись и пристали к поднявшему голову Азимхану:

– Расскажи! Расскажи! Ты хорошо рассказываешь.

Возившийся около костра хромой парень и Кулкен с оживленным выражением лица вперили глаза в Азимхана, как бы говоря про себя: «И мы рады послушать тебя».

Азимхан привстал, подсел к костру и спросил:

– О чем вам рассказать?

– Расскажи про твою историю, как ты избил Штегера на Нельдинском заводе и как тебя уволили тогда с работы, – подсказал Хасен.

– Да, да, Расскажи об этом!.. Расскажи об этом!.. – подхватили Сатай с Калкеном.

– Хорошо. Если хотите, извольте – Расскажу об этом, – улыбнулся Азимхан.

– Конечно, лишь драчуны тузят других... – начал Азимхан. – Но драчуны драчунам рознь. Одни дерутся по необходимости из-за полученной кровной обиды. Другие дерутся с жиру, от склонности повредить другим. «Одни подпрыгивают от сытости, другие – от холода», говорит казакская пословица. И драка точно так же бывает двоякого рода... Вы знаете, что хозяин нашего Нельдинского завода был англичанин. Главным управляющим хозяина был

---

¹ А. Затаевич («1000 песен киргизского народа», стр. 329–330) так характеризует «салов» и «серы»: «“Сал” – это эксцентрик, “форсила” футуристического толка, человек, желающий во что бы то ни стало отличаться от серой толпы и ей импонировать вычурным ли костюмом, оригинальными ли замашками, смелыми выходками, богатством седла и упряжи и т. п. Среди них было немало лиц, наделенных способностями: певцов, стихослагателей, ловких спортсменов, отважных охотников и пр. До известной степени к ним подходит и тип серы, но эти последние были детьми т. н. “белой кости”, богатыми, обеспеченными, и эксцентризм их не принимал таких крайних форм». По рассказам, Акан был последним «серы» в степи. П е р е в о д ч и к.

некий Штегер. Я не мог снести обиды, нанесенной им мне, осыпал его матерными словами и ударил. Мой поступок можно уподобить прыжку голодающего.

* * *

Расскажу сначала, в каком положении находился я до этой истории...

В тот год я работал под землей в шахтах Нельдинского рудника. Под землей есть две очень тяжелые работы. Одна из них – работа забойщика, о которой рассказывал давеча Хасен, а другая – перевозка горных пород. Конечно, есть и другие трудные работы. Но самые трудные, конечно, это эти две работы. Труднее всех это вырубать забои. Выбивать забои в глыбе медной руды куда тяжелее, чем в каменноугольном пласте. Это может выдержать только джигит из джигитов. Забойщиком решается быть джигит, уверенный в своих силах. Слабосильные джигиты, если за день не высекут дыры в каменной глыбе глубиной на поларшина, то выходят из шахты, как говорят, «ак аузами»². «Ак ауз» значит работать даром, без оплаты труда за дневную работу... Таков был заведенный хозяином порядок на заводе. «Ак аузами» остаются многие... Чем глубже выбиваются рабочим дыры – забои, тем он получает соответственно и большую зарплату... Чтобы поддержать свое существование, рабочие работают в адских условиях, не жалея ни здоровья, ни сил, словно зубами впиваются и грызут каменные глыбы...

* * *

Хо-р-ро-шо...

Я не нашел другой работы. Пришлось мне быть забойщиком. В первое время я не умел работать. Не раз я выходил из-под земли «ак аузом».

Забойщики работали в две смены. Одна смена работала днем, другая – по ночам. Я работал в дневную смену. В старых, рваных, грязных одеждах рабочие работают под землей, словно в могиле... Из подземных галерей весь день сочится вода. В темных коридорах ходишь с фонарем. Стоишь у фонаря и вбиваешь остроконечные стальные колышки зубила в каменную глыбу, ударяя тяжелым молотом со всей силой. В ушах стоит резкий металлический стук от сильного удара железа о железо, железа о камень. Одновременный мерный удар забойщиков потрясает гулким звуком весь подземный наш мир. Стонет земля от мощных ударов забойщиков...

Люди выходят из-под земли страшно усталыми, голодными, в мокрых грязных платьях, будто они выкупались в грязной луже... Кто сам не был «ак аузом», тому не понять, что значит остаться «ак аузом» после такой адской работы. Я тоже почти через день выходил «ак аузом». Потом наострил в работе и стал зарабатывать копейки. Много ли тогда можно было заработать?... Заработанных тяжелой работой в кошмарных условиях под землей денег не хватало для посылки домой, если сам начал жить по-человечески. Если послал что-нибудь домой, то самому приходилось голодать и холодать. «Короткой ниткой ничего не перевяжешь», говорит казакская пословица.

* * *

Хо-р-ро-шо...

Раз у меня на бедре вскочили чирья... Буду я еще нежиться с чирьями!.. Пошел работать. Чирья я разбередил. Появлялись чирья за чирьями то в одном, то в другом месте. Трудно стало работать. Стал выходить из-под земли

---

² Ак ауз – казакское слово, буквально значит белый рот. П е р е в о д ч и к.

«ак аузом»... Нужны деньги, нужно есть. Но легкой работы раздобыть нашему брату, рабочему, в то время было нельзя.

Хорошо-с...

Чирья одолели. Раз я не мог выйти на работу. На другой день утром, когда загудел заводской гудок, мои товарищи стали одеваться. Моя одежда, вся в заплатках, потерявшая свой цвет от пропитавшей её мути, сушилась. Одевался наскоро и, захватив коробку спичек, привязав к поясу железный подсвечник для свечек, отправился и я на работу.

Только что начало светать. Стояла холодная пора зимы. Стояли трескучие морозы. В ту зиму и снег выпал глубокий. Дома были завалены сугробами, лишь крыши домов мелькали черными точками... Над вытянутыми к нему трубами завода вились густые клубы черного дыма... Толпа в намазанных серой глиной платьях спешила на завод. Снег хрустел под тяжелыми сапогами рабочих. Стали опускаться в глубокие четырехугольные колодцы в деревянных срубах.

Тогда мне был 21 год... До сего времени передо мною встают, как живые, шахты, забои, удары молота и фигуры то поднимающихся, то спускающихся в шахты рабочих. Ни одна мелочь не забыта... Расскажу все подробности, чтобы скоротать время... Рабочие зажгли фонари, прицепили их к поясу, задом влезли в открытое отверстие колодца и начали спускаться вниз по лестнице, будто они бежали вниз на четырех ногах. Шлепание рук и ног рабочих по ступенькам лестницы и относимые подземным дуновением ветра голоса сливались в один неясный гул. Зияющее черное отверстие шахты напоминало ненасытную чудовищную пасть, живьем проглатывающую людей, но жалеющих ни силы, ни здоровья для добывания куска хлеба. Гул выбрасываемого наружу воздуха напоминал дыхание некоего чудовища... Рабочие непрерывной вереницей проглатывались зияющей пастью... Был проглочен и я... Стремительно спускался по лестнице. За мной стал спускаться другой, третий... Замигали фонари за поясами. Началась бешеная скачка людей вниз.

* * *

Хо-р-ро-шо...

Спустились. Собрались у будки, находящейся на дне шахты. Это было место сбора. Сели на скамейки. У каждого за поясом мигал фонарь. Казалось, будто люди сошлись на какой-то странный заговор. Если бы человек, никогда не бывавший в шахтах, увидел во сне эту картину, то он проснулся бы с испугу.

Хо-р-ро-шо...

Проложенные под землей углубления называются забоями. Забои разветвляются... Все забои пронумерованы. Это знает Хасен... По этим забоям распределяет рабочих на работу особое лицо. Его рабочие называют «Нарядчиком». Управляющий подземным царством Штегер и нарядчик являются защитниками интересов хозяина. В угоду хозяину они всячески прижимают рабочих.

Нарядчиков бывает несколько. Каждый нарядчик приставлен к определенной работе. Но все они являются как бы косячными жеребцами по отношению к рабочим и забоям...

* * *

Хо-р-ро-шо...

Казак-нарядчик, по имени Машен, распределил рабочих по забоям. Чернорабочие и забойщики с мелькающими за поясом фонарями стали

расходиться по темным подземным пещерам... Выбрав свои стальные зубила и молот, и я отправился к указанному мне нарядчиком забою. Сюда нас пришло человек десять... Ставши в ряд, мы стали всаживать стальные зубила в грудь твердой породы. Эти стальные зубила знает Хасен. Не знаю, другие видели ли их или нет. Стальные зубила бывают разной длины, по форме они круглые, толщиной в тросточку. Самые длинные из них аршин с четвертью, самые короткие две четверти аршина с отточенными острыми кончиками. Медную руду высекают этими зубилами. Углубления закладываются глубиной на аршин и три четверти. Вырубить углубление в твердой породе – дело не из легких. Это вы сами понимаете...

* * *

Хо-р-ро-шо...

Мы стали вбивать стальные зубила в серую каменную массу, твердую как литой чугун. В одной руке тяжелый молот, а в другой стальные зубила. От сильного удара тяжелым молотом о вбившиеся в каменную глыбу стальные зубила стоит неумолкаемый грохот и гул.

Хо-р-ро-шо...

Стал я работать изо всех сил. Но на этот раз работа шла плохо. Стальные зубила не могли глубоко поразить твердую породу. Мне попалась очень твердая порода. Вдобавок и чирья стали сильнее и сильнее беспокоить меня при каждом движении. Я должен был вырубить углубление очень высоко, а вытягиваться трудно мне было: чирьи беспокоили. Но тем не менее, собрав все силы в комок, как говорят казаки, стал изо всей силы ударять о зубила... Нарядчики, Штегер обошли нас, наблюдая за работой... Из-под земли, как со дна колодца, то там, то здесь сочится вода. Немного капает и сверху. Вода стала стекаться в то самое место, где мы работали. Лужу чернорабочие отводят в сторону в прорытые канавки. Но тем не менее под ногами постоянно мокро. Поднимаемся на возвышение, куда не забирается вода... Но не везде имеется возвышение. Приходится работать, стоя в сырой грязной луже, беспрестанно шлепая ногами.

Хо-р-ро-шо...

Поливаем углубление водой. От этого порода становится как бы мягче. Если углубление не так высоко, то напускать туда воду очень удобно. Другое дело, когда приходится рубить углубления высоко над головой. Тогда нельзя мочить углубления из пригоршни: тратится много времени... Нечего делать, я набрал в рот грязной воды и стал, по мере надобности, вспрыскивать в углубление. От сочившейся сверху воды, от постоянного шлепания в луже, от отдававшихся брызг из углублений через некоторое время вся одежда и лицо покрываются грязью, словно человек вывалился в грязной луже...

* * *

Хо-р-ро-шо...

Очень быстро я приобрел привычную в шахте окраску. Хорошо знакомая шахтерам по запаху и цвету серо-мучная вода густо окрасила мою одежду и мое лицо... Приближалось время окончания работы. За весь день при сверхчеловеческих усилиях я смог вырубить лишь две дыры. Но глубина их не удовлетворяла меня... К тому же и чирья мучили... Ежедневно записывают рабочим заработок. По окончании работы обходят шахту нарядчик и учетчик, проверяют количество и глубину дыр. За рабочим, которые вырубил больше дыр и глубже, записывается и соответственно больший заработок. За слишком мелкие дыры за день ни копейки не записывается. Тогда тяжелый труд за весь долгий рабочий день пропадает даром.

– Как может труд пропасть даром? – может быть, спросите вы.

А вот как: говорят, что в мелкие дыры нельзя заложить динамит и взорвать породу. Говорят, что хозяином дано такое распоряжение Штегеру. Других объяснений не дают. Бывает и так. Если кто завоюет симпатию и сумеет подлизаться к нарядчикам, у того и мелкие углубления принимаются за глубокие, и он получит нормальный заработок. Бывает и наоборот. Нарядчики иногда не принимают и глубокие углубления у тех, на кого они злы... Жалуемся Штегеру, а он еще накричит на тебя. Сам хозяин отсылает или к Штегеру, или к нарядчикам. Бывали и такие безобразия.

* * *

Хо-р-ро-шо...

Работа заканчивалась. Подошли нарядчик Машен и учетчик (русский). Стали проверять число и глубину дыр у каждого. Дошла очередь и до меня. Я был самым крайним... Показывал и я свои дыры. Нарядчик Машен, измерив мои дыры, стал что-то говорить на русском языке учетчику... Потом он, обратившись ко мне, заявил, что дыры не принимаются.

– А почему не принимаются? Если такие дыры не принимаются, то лучше вообще не работать! – вскипятился я.

– Нет, не принимаются! – хладнокровно бросил нарядчик и стал уходить.

Я не знал, что делать. Сердце мое запрыгало. Волнение охватило меня. Слезы подступали к горлу. Но на некоторое время я сохранил равновесие. Я стал упрашивать их, чтобы они приняли мою работу. Я им рассказал, что сегодня мне попалась слишком твердая порода, что трудно было пробивать дыры высоко над головой, что чирьи мучили меня... нарядчик оставался неумолимым. Больше того, нарядчик иронически отнесся к моим доводам:

– Почему чирья мешают работать, а не мешают бегать по ночам к девкам? Почему трудно работать молотом на вытянутых руках, а не трудно лазить через заборы к девкам?

Такое язвительное замечание, такое издевательство взорвало меня.

Я стал осыпать бранными словами нарядчика. Все слова, которые в это время наворачивались на язык, я стал выкидывать нарядчику.

У одного мастера, оттачивающего стальные зубья, была красивенькая дочь, с которой я имел близкие отношения. Я знал, что нарядчик Машен приставал к ней. Об этом она сама как-то сказала мне. Я догадался, что нарядчик захотел отомстить мне за эту девицу. Раз так, то и я решил не уступать нарядчику. Мои товарищи старались удержать меня от скандала. Но я не унимался. Я не мог стерпеть обиды от нарядчика, хотя и знал, что хозяин на другой же день может уволить меня... Конечно, хозяин всегда поддержит нарядчика. Нарядчики ведь хозяйские собаки...

В это время неожиданно для себя я почувствовал удар в шею кулаком нарядчика... Мои глаза налились кровью с досады и злости... Как теперь быть?... Мало того, что за весь труд в течение долгого рабочего дня ломаного гроша не платят, они еще насаживают тебе тумачи... В пылу гнева и я дал здоровую оплеуху нарядчику. Он зашатался... Окружающие обступили меня и схватили за руку. Я вырвался из их рук и ударил со всей силой в самый лоб нарядчика, уже занесшего было на меня свой кулак. Нарядчик упал, распластался в грязной луже, как брошенный малахай... На наш шум подлетели двое нарядчиков, учетчик и сам правитель всего подземного нашего мира, Штегер. Я стал ему объяснять причину скандала... Я думал, что управляющий заступится за меня, как за обиженного. Нет, не так рассудил управляющий. Наоборот, управляющий

Фото первого журнала «Простор»
(«Казакстан»), 1933 г.

зыкнул на меня самого. Он стал в сердцах топтать ногами, кричать на меня, и казалось, что вот-вот живьем хочет съесть меня. Я не знал куда и деться... Идти к хозяину с жалобой – совершенно бесполезно: яснее ясного, что он одобрит поступок своих ставленников, агентов... От злости и досады слезы брызнули из моих глаз...

Нарядчик Машен, ободренный криками на меня Штегера, подлетел ко мне и ловко смазал меня по лицу и глазам своим увесистым кулаком. Искры посыпались из моих глаз. Я вышел из себя. Я решился на всё, как говорят казаки в таких случаях: «Раз родился в один день, то и умру в один день». Мигом я очутился около нарядчика и влепил ему сильный удар в глаз и в нос. Нарядчик заорал и грохнулся оземь... Окружающие переполошились и старались поймать меня. Я тогда был молодым и очень ловким, но

всё же сам удивляюсь, откуда у меня взялась тогда такая прыть – я быстро отталкивал других, мигом высвобождал свои руки и среди этой суматохи, изловчившись, еще раз ударил нарядчика. Опять схватили было меня, но я вырвался и влепил несколько ударов в щеку и в горло растерявшемуся и выкрикивающему какие-то слова Штегеру. Он пошатнулся. В этот миг я хлопнул его правой ногой. И Штегер повалился наземь, как брошенная шляпа. На лету я схватил с земли свой молот. Кто бы ни подходил схватить меня, я замахивался на него молотом и не давал поймать себя. Не знаю и не помню о чём, но помню, что я всё время что-то кричал окружающим. Лишь помню: «Кто вздумает схватить и подойти ко мне, того я убью и убью себя», кричал я, размахивая молотом...

* * *

Как ошалелый, как преследуемый каким-то бесом, я выбежал из шахты... Когда очутился на воле, день клонился к вечеру. И небо и земля были объаты грозной вьюгой. Вьюга этого дня до сего времени не стерлась в моей памяти. Густые темные тучи, обложившие небесный свод одним краем, как исполинским крылом, спускались на белеющий горизонт, взрывали и вскидывали снежную пучину. Порывистый и проникающий во все щели ветер крутил и вертел снег, образуя снежный вихрь. Разбушевавшаяся снежная буря сливалась в одно бушующее пятно небо и землю, творя хаос в природе. Небо и земля стали похожи на белую пучину.

Ветер свистел, выл, шумел, рвался и кружил разостланную по земле толстым слоем пушистую белую вату, то вскидывая её вверх, то ударяя об землю. Хлопья снега ударяются о хлопья, рассыпаясь, скачут вверх, сверху стремглав падают вниз, извиваются змеей по земле, закружатся и опять уносятся куда-то далеко. Гонимый ветром снег забивается в низины, в щели, останавливается у какого-нибудь куста... На расстоянии пятидесяти шагов не видно ни забора, ни завода... Вырисовываются неясные силуэты близких домов... На другой день меня уволили с работы.

Перевод Т. Шонанова